

Горохов Павел Александрович

Gorokhov Pavel Aleksandrovich

доктор философских наук, профессор
Оренбургского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

D.Phil., Professor,
Orenburg branch of
the Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration

«ФАУСТ» ИОГАННА ВОЛЬФГАНГА ГЕТЕ И ФРИДРИХ НИЦШЕ: НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИКО- ФИЛОСОФСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

GOETHE'S FAUST AND FRIEDRICH NIETZSCHE: SEVERAL HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL PARALLELS

Аннотация:

В статье исследуются основные историко-философские и мировоззренческие параллели в творчестве Гете и Ницше. При всей несхожести жизненного пути многие базисные интенции философского творчества Ницше коренятся в поэтическом и философском наследии Гете, прежде всего в «Фаусте». Гете у Ницше выступает как завершение и воплощение идеи человека, ибо демонстрирует подлинное единство жизни и творчества. Ницшевский сверхчеловек – сам Гете, который во всем своем творчестве руководствовался идеей продуктивности творческого духа, которая во многих отношениях оказалась действенной абстракций «чистого разума». Гете и Ницше образами Фауста и Заратустры в своих бессмертных творениях пытались предостеречь от опасности бездуховности, ставшей поистине всеобщей проблемой на рубеже XX–XXI вв. Основные выводы исследования могут быть использованы в общих курсах по истории философии и специальных курсах по немецкой философии и культуре.

Ключевые слова:

Гете, Ницше, продуктивность духа, сверхчеловек, переоценка ценностей, духовность, творчество, самореализация.

Summary:

The study examines the main worldview, historical and philosophical parallels between Goethe and Nietzsche's works. Although their paths of life are completely different, many basic intentions of Nietzsche's philosophical writings are rooted in the poetic and philosophical heritage of Goethe, primarily in "Faust". For Nietzsche, Goethe emerges as the completion and embodiment of an idea of a person because he demonstrates the true unity of life and creativity. Nietzsche's superman is Goethe himself, who has been guided by the idea of the productivity of the creative spirit, which in many respects has been proved to be more effective than abstractions of "pure reason". Through the images of Faust and Zarathustra in the immortal works, Goethe and Nietzsche tried to warn people against the danger of the lack of spirituality which had become a truly universal problem at the turn of the 20th and 21st centuries. The study findings can be used during the general courses on the history of philosophy and the special courses on German philosophy and culture.

Keywords:

Goethe, Nietzsche, productivity of the spirit, superman, revaluation of values, spirituality, creativity, self-fulfillment.

Проблема генетического и культурного родства творчества великого Иоганна Вольфганга Гете (1749–1832) и философского дела Фридриха Ницше (1844–1900) исследовалась многими выдающимися учеными. Достаточно вспомнить историко-философские работы Г. Гадамера (1900–2002) или автобиографические «Воспоминания, сновидения, размышления» К. Юнга (1875–1961). Современных историков философии и исследователей европейской культуры прежде всего интересует вопрос, насколько действенно и эффективно Ницше послужил транслятором философских идей Гете в новую эпоху, самое зарождение которой и многие грядущие ее проблемы, трагедии и противоречия немецкий мудрец предвидел и предчувствовал в своих произведениях. Ведь даже знаменитый термин «сверхчеловек», ставший знаковым для современной европейской культуры, Ницше взял у Гете из его «Фауста». Многие кризисные явления современной эпохи суть порождение всеобъемлющей бездуховности, об опасности наступления которой на человечество предупреждали мыслители прошлого. Поэтому в статье мы обратимся к основным историко-философским и мировоззренческим параллелям, которые можно вычленивать при внимательном изучении творчества двух великих немцев.

Творчество Ницше – мостик между классическим любомудрием и философией XX в. Без его литературного и философского наследия трудно представить себе современную культуру, и именно поэтому было бы бесполезно поразмышлять о влиянии творчества Гете, и прежде всего «Фауста», на этого талантливого и противоречивого человека, который, в свою очередь, модифицировал и приспособил многие гетевские идеи для своего времени и своего философского дела.

Следует отметить, что жизненные пути, которые довелось пройти Гете и Ницше, разительно несхожи. Коренным образом различны были судьбы этих людей. Сочинять Ницше, как и Гете, начал рано. Уже в двадцатипятилетнем возрасте Ницше стал профессором, но был вынужден оставить должность в 1878 г. вследствие тяжелой болезни глаз, вызванной сифилисом.

Он следовал своему лозунгу «Живи опасно», поэтому сделался полной развалиной, будучи еще совсем молодым человеком.

Физические и душевные муки, терзавшие Ницше, были ужасны. На протяжении своей недолгой жизни он так и не смог научиться у своего кумира Гете замечательной способности саморегулировать физическое и душевное состояние. В тридцать с небольшим Ницше пришлось прервать свою академическую карьеру и покинуть кафедру филологии. А ведь Гете в этом возрасте получил лишь чин действительного статского советника, и впереди было еще столько великого! В возрасте 44 лет, когда Гете полон сил и энергии, Ницше разбивает паралич. Вскоре он теряет рассудок.

Несхожи были стиль жизни, манера поведения, сама духовная эволюция мыслителей. Величественная и солидная внешность Гете-чиновника, министра, признанного поэтического гения и любимца женщин нисколько не походила на тот облик тщедушного и не очень уверенного в себе человека, который остался запечатленным на портретах Ницше. Но еще в молодые годы Ницше занимали те темы и проблемы, которые волновали и Гете в пору его юности. Для Ницше вся глубокая тематика взаимоотношений Фауста и Елены из второй части «Фауста» служит как бы моделью для рефлексии над проблемами «жажды к жизни» и «воли к бытию», которыми наполнена философия Артура Шопенгауэра (1788–1860). Воля к жизни, о которой писал Шопенгауэр, трансформировалась у Ницше в понятие «воля к власти». От этой философии Ницше то отрекался, то срисовывал во многом именно с нее будущие контуры своей виталистичной имморальности, которая получила второе рождение в XX в., модифицируясь в философии постмодернизма.

Сам Ницше – при всей рискованности таких сравнений – напоминал гетевского Фауста своей безграничной жаждой познания и мощным интеллектом, стремящимся понять как микрокосмос, так и макрокосмос. В ранние годы жизни Ницше был религиозен, а потом потерял веру настолько, что стал грязными словами ругать Бога и христианство. Этим он напоминает многих русских искателей истины и теоретиков «общего дела» XIX столетия, особенно Н.Г. Чернышевского. «Антихрист» Ницше – поистине страшная книга, а лозунг «Падающего толкни» ужасает нас, живущих в начале XXI столетия, для которых XX век стал страшной и жестокой историей, на протяжении которой этот лозунг реализовывался перманентно.

И Фауст у Гете в начале трагедии полностью утратил веру. Он искренне верит в то, что истина, которой он так жаждет, вряд ли может быть найдена в религии. Он полагает, что истина сокрыта в самой Природе, в тех самых *Wirkenskraft und Samen* («действующей силе и семенах»).

Скорбь и тоску литературного Фауста и реального Ницше можно назвать мировой скорбью (*Weltschmerz*) как бы в противоположность частному, личному горю человека. Фауст страдает за человечество в целом, за все несовершенство своих современников. Сама природа человека, ее ограниченность, ее конечность – вот главные мотивы его метафизических страданий. Не личное несчастье – корень пессимизма Фауста; это не только результат его практических неудач или ударов судьбы, не исключительно следствие житейских невзгод и промахов (хотя это все также имеет место). Та мировая скорбь, которой охвачен Фауст, является результатом глубокой внутренней борьбы, колоссального разлада во всем мирозерцании. Такой разлад был свойственен и Ницше. Именно этот разлад вкупе с неизлечимой болезнью и привел его в сумасшедший дом.

Исследователи наследия Ницше часто забывают о том, что Ницше одновременно был как философом, так и поэтом. И здесь напрашивается еще одна параллель между ним и Гете. Как и Гете, Ницше не стремился к созданию философской системы, претендующей на объяснение всех мировых тайн. Жизнь несказанно богаче наших представлений о ней, поэтому даже самая совершенная система не отразит всего богатства природы и всех загадок человеческой души. Не сухая система, но мудрое слово воздействует на людей во сто крат сильнее, если это слово еще и красиво. Поэтому Ницше всю жизнь чувствовал свою близость к Гете именно в базисных интенциях культуры.

Всех людей Ницше разделял на большинство, которое немногим отличается от тупого стада, ибо оно озабочено лишь удовлетворением чисто физиологических потребностей, и небольшое количество сверхлюдей, которые являются истинным будущим человечества. Такое разделение Гете просто не могло прийти в голову. Дать окончательную дефиницию личности, по Ницше, нельзя, ибо любое определение загоняет живую реальность в бездушные границы. С этим Гете, наверное, согласился бы. Также нельзя и обозначить четкими вехами тернистую дорогу к состоянию сверхчеловека, ибо каждый такой путь сугубо индивидуален.

Лишь по мере сил противодействуя назойливому влиянию стада, можно выйти на духовную дорогу, ведущую к сверхчеловеку, и реализовать, таким образом, потенциал нового индивидуального бытия. Труды Ницше своеобразно трактовались немецким национал-социализмом, идеологи которого выискивали в наследии мыслителя исключительно тоталитарные и антигуманистические мотивы. Это произошло в основном вследствие нездоровой активности сестры философа – Элизабет Ферстер-Ницше, подружившейся с нацистскими бонзами.

Сам Ницше критически относился к немцам и ни в коей мере не рассматривал этот народ, равно как и какой-либо другой, как генетический питомник для «белокурых бестий» – грядущего человечества. «Белокурые бестии» понимались им как метафорический образ, светлый и грядущий человеческий идеал, который лишь когда-нибудь воплотится в будущем.

Сам Ницше настолько не любил своих соотечественников, что даже придумал себе родословную от польских дворян Ницких. Философ считал немцев колбасниками и жуткими филистерами, поэтому всячески критиковал их. Порой он высказывался с очень резкими оценками немецкого национального характера, немецкой культуры и Германии в целом.

Во времена Гете Германия была еще раздроблена, а Ницше довелось стать современником объединения Германии, но, думается, он позаимствовал критическое отношение к немцам у своего кумира. Гете любил свою Родину, но никогда не возвеличивал немецкий национальный характер, видя в нем много отрицательных черт. Скажем, однажды он отпустил по поводу немцев следующую шпильку:

*Нацией стать – понапрасну надеетесь, глупые немцы,
Начали вы не с того – станьте сначала людьми [1, с. 241].*

Все это не могло не найти отражения и в «Фаусте».

При изучении философского наследия Гете поражает универсальность продуктивного духа поэта и мыслителя. Фактически все его творения, как в науке, так и в искусстве, суть постоянное трансцендирование за пределы «немецкости». Таковым он сделал и своего Фауста – подлинным космополитом-интеллектуалом, человеком Нового времени, в отличие от реального средневекового чернокнижника. Широта и неординарность мировоззрения Гете позволяют говорить о том, что по своему менталитету он мало похож на среднестатистического немца, в характере которого наличествует определенная приземленность и ограниченность. Этим особенностям духовного склада Гете, видимо, стремился подражать и Ницше.

Творчество Ницше является образцом метафорически и эстетически ориентированного любомудрия. В этом он вольно или невольно подражал Гете. Магистральными направлениями раздумий этого неординарного и разностороннего мыслителя, на наш взгляд, являются следующие: 1) полный поэтики и лиризма поиск единства между стихией плотских стремлений, присутствующих Дионису, и миром утонченной мудрости Аполлона («Рождение трагедии из духа музыки»); 2) безжалостное отбрасывание христианской морали («По ту сторону добра и зла», «Человеческое, слишком человеческое»); 3) «переоценка ценностей», призванная привести на место готовых и набивших оскомину старых ценностей новую творческую мораль; 4) метафорическая концепция сверхчеловека («Сумерки богов», «Так говорил Заратустра», «Генеалогия морали»); 5) идея «вечного возвращения» событий индивидуального человеческого бытия, элементы которой можно найти во многих творениях этого философствующего поэта.

В европейскую культуру Ницше вновь привнес единение любомудрия и лирики, некогда столь характерное для Античности. Он придал новое качество мифологическому и поэтическому созерцанию действительности. Как и Гете, Ницше попытался исследовать тайники человеческой души и загадки бытия не рационально, а с помощью художественных средств. Как известно, Гете любил говорить, что не все сущее делится на разум без остатка. Ведь и Гете – как в «Фаусте», так и во всем своем поэтическом творчестве – в полной мере использовал символы, метафоры, всю великую греческую мифологию. В этом Ницше ощущал себя духовным последователем Гете.

На наш взгляд, богоборец Ницше всю жизнь поклонялся двум божествам: античной Греции и «олимпийцу» Гете, ибо постоянно пробуждал и оживлял их в себе и сравнивал себя с ними. «Фауст» Гете был для Ницше символом непрекращающихся метаморфоз и в то же время глубокой целостности. Гете никогда не отгораживался от жизни, он соединял жизненную энергию, поэтический дар и интеллект. Гете был полон стихией Диониса. Так считал Ницше и не во многом ошибался.

Ницше полагал, что Гете выражал сильнейшие жизненные инстинкты и грандиозную чувственную полифонию. Гете был великим певцом духовного и телесного бытия. Именно это так и не удалось осуществить в полной мере самому Ницше. Но, пожалуй, ни о ком Ницше не отзывался так восторженно, как о Гете. Вчитаемся хотя бы в эти строки: «Сильнейшие инстинкты столетия были ему свойственны: яркое чувственное восприятие, придание природе статуса божества, антиисторичность, стремление к чему-то идеальному, ирреальному, революционному (ведь последнее является только разновидностью нереального). Он взял в свои союзники не только науку историю, естествознание, мир антики, но и Спинозу, и прежде всего практическую деятельность человека. В глубокой страсти к нереальному в своем историческом времени Гете продолжал быть уверенным реалистом – он подтверждал все в эпохе, что было схоже с ним генетически: его самым сильным впечатлением осталось *ens realissimum*, носящее имя Наполеон» [2, S. 76].

О глубочайших и богатейших пластах человеческой культуры, следы которых можно найти в творчестве Гете, размышляет и Владимир Кантор: «В сочинениях Гете мы увидим и “Книгу Иова”, и “Гамлета”, и “Фауста” Кристофера Марло (не говоря о лубочных книгах о Фаусте и книге его современника Фридриха Клингера...)» [3, с. 7–8].

Гете в «Фаусте» во многом предвосхитил философские интенции Ницше идеей самоценности и самодостаточности жизни как таковой. Неудачник Ницше, страдающий физически и духовно,

провозглашал тем не менее ценность жизни, оставаясь верным идеям Гете и Шопенгауэра. Все, что выразил в своем творчестве Ницше, вытекает из жизненной культуры и этики «благоговения перед жизнью» (как это впоследствии выразит А. Швейцер), почерпнутой от самих истоков бытия. Недаром Хосе Ортега-и-Гассет, который, к слову, хотел написать книгу «Гете для человека, идущего ко дну», пишет: «Открытие имманентных жизни ценностей, совершенное Гете и Ницше (несмотря на чрезмерно зоологический язык последнего), было гениальным предвидением будущего, событием огромного значения – открытием этих ценностей, мироощущением целой эпохи. Провиденная, возвещенная гениальными авгурами эпоха наступила – это наша эпоха» [4, с. 467].

Наследниками Гете и Ницше могут в определенной мере считаться Артур Шопенгауэр, Освальд Шпенглер, Вильям Дильтей и Георг Зиммель, оказавшие значительное влияние на современную немецкую и европейскую философию своей «философией жизни». Дильтей полагал, что Ницше, раз уж он взывает к индивиду, оторванному от коллективного творчества, так и не сумел обосновать свою моральную проповедь и переоценку аксиологической шкалы. Георг Зиммель не только творчески продолжил и развил основные идеи «философии жизни», во многом основанные на взглядах Гете и Ницше, но и выступил биографом последних, а также Канта и Шопенгауэра.

Итак, наследие Гете и Ницше не только схоже в своих базисных духовных интенциях, но и оказало во многом однопорядковое влияние на философию и культуру Новейшего времени. У Гете внешнее влияние не противостоит глубинному призванию и не извращает его, ибо всякое событие для него становится судьбой. Все элементы его жизни, все составляющие его сознания выражают оригинальность этого человека. Все для него становится средством самореализации. У Гете само творчество не наносит никакого ущерба жизни, ибо мыслитель и поэт не жертвует ни своим размахом, ни разнообразием знаний во имя необходимости творить. Гете не обедняется тем, что он отдает себя читателям, так как каждая написанная им книга – момент внутреннего развития. Поэтому Гете – завершение и воплощение идеи человека-творца. Он демонстрирует подлинное единство жизни и творчества. По сути, ницшевский сверхчеловек это и есть сам Гете, который во всем своем творчестве руководствовался идеей продуктивности творческого духа, которая во многих отношениях оказалась действенной абстракцией «чистого разума».

Не совсем так было у Ницше, страдавшего, как гетевский Фауст, от невозможности примирить в своем творчестве терзавшие его противоречия. Но как Гете, так и Ницше в своих бессмертных творениях увидели многие угрозы, надвигающиеся на человечество из будущего, и пытались образами Фауста и Заратустры предостеречь от опасности бездуховности, ставшей поистине всеобщей проблемой на рубеже XX–XXI вв.

Ссылки:

1. Гете И.В. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 1. М., 1975. 528 с.
2. Nietzsche F. *Gesammelte Werke*. Bd. 6. Leipzig ; Weimar, 2005.
3. Кантор В.К. Изображая, понимать, или *Sententia sensa*: философия в литературном тексте. М. ; СПб., 2017. 832 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры: избранные труды. М., 1991. 588 с.

References:

- Goethe, JW 1975, *Collected Works*, in 10 vols., vol. 1, Moscow, 528 p., (in Russian).
Kantor, VK 2017, *Understand by Portraying or Sententia sensa: Philosophy in the Literary Text*, Moscow, St. Petersburg, 832 p., (in Russian).
Nietzsche, F 2005, *Gesammelte Werke*, Bd. 6, Leipzig, Weimar, (in German).
Ortega y Gasset, J 1991, *Aesthetics. Philosophy of Culture: Selected Works*, Moscow, 588 p., (in Russian).